

«Разве профессор не сказал тебе, что он и твои родители ходили в школу вместе?» Дамблдор был искренне удивлен. Внутри Гарри ухмыльнулся. Пусть он думает, что Гарри все еще в неведении, не обращает внимания на семью, которую от него скрывали все эти годы. Пусть он думает, что Гарри не знал правду о Сириусе Блэке.

«Он сказал, что знал их», — ответил Гарри. «Он никогда не говорил... они были друзьями?»

«Действительно так, мой мальчик», — сказал ему Дамблдор. На краткий миг Гарри показалось, что он заметил довольное выражение, промелькнувшее на лице директора. «Они все вместе были в Гриффиндоре. Но если профессор Люпин не упомянул об этом, возможно, лучше не поднимать эту тему. Горе может сделать ужасные вещи с человеком, Гарри. Ты не захочешь беспокоить его, как только все уладится.» Голос его звучал печально, и он с легким вздохом покачал головой.

Гарри, стоявший рядом с ним, послушно кивал, хотя внутри у него все кипело. Представляя, что если бы он никогда не снял заклятие; он бы позволил Дамблдору увести его за нос от Ремуса Люпина и всего, что с ним связано — всех воспоминаний, которыми он мог бы поделиться с Гарри, всей поддержки, которую он мог предложить, всего.

Дамблдор хотел, чтобы Гарри был один. Он хотел, чтобы ему было не на кого положиться — за исключением тех, кого выбрал Дамблдор. От этой мысли ему стало не по себе: кому в его жизни он мог доверять, а кто был всего лишь еще одним игроком в игре директора?

Что еще более важно, почему? Что было такого особенного в Гарри, что он так рано начал играть в эту игру?

Хмурясь про себя, Северус направился обратно в свои покои, качая головой в ответ на нелепое заявление Сивиллы Трелони. Северус не знал, почему Альбус настоял на том, чтобы он присутствовал на маленьком рождественском обеде; он бы предпочел поужинать в своих покоях, в одиночестве. Единственным человеком в Большом зале, общество которого ему хотя бы отдаленно нравилось, была Минерва. Особенно с Люпином-

Он отбросил эту мысль прежде, чем она успела закончиться сама собой. Он отказывался думать о Ремусе кровавом Люпине на Рождество. Было достаточно неприятно вспоминать печальный, исполненный сожаления взгляд этих медово-карих глаз, когда он понял, что полнолуние — ночь Сочельника, и он пропустит все праздничные мероприятия.

Северус нахмурился еще сильнее.

Пробормотав пароль к своим личным покоям, он прокрался внутрь и сбросил плащ, повесив его на крючок в стене. Все, что он хотел на Рождество, — это бокал коньяка, хорошая книга и, по крайней мере, двенадцать часов без необходимости видаться с